

Скребнева Анастасия Викторовна

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ВОЙНЫ (НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА "А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ..." И "В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ")

В данной статье анализируются повести "А зори здесь тихие..." и "В списках не значился" Б. Л. Васильева с позиции нравственных ценностей героев во время Великой Отечественной войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 118-120. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

мозависимостью значения компонентов. Наличие двух интенсификационных сем повышает градус выражаемого состояния. Так, в двузначной ФЕ *percer le cœur* первое значение 'убить, умертвить' отражает одностороннюю взаимозависимость значения компонентов, а второе, выражающее ЭС "Горе", 'заставить глубоко страдать', базируется на полном переосмыслении и, соответственно, имеет двустороннюю взаимозависимость значения компонентов. Интенсификационные семы в данном случае заключены как в глаголе *percer* 'пронзать', так и в существительном *le cœur* 'сердце' - место локализации человеческих страданий. Многозначные единицы с двумя интенсификационными семами приобретают третью за счет сниженного стилистического регистра. Это явление находит свое выражение в таких ФЕ, как: *attraper un coup de bambou* (разг.) 1) 'получить солнечный удар; 2) попасть под горячую руку, получить нахлобучку, трепку; 3) осатанеть, прийти в бешенство'; *piquer le coup de bambou* (арго) 1) 'сойти с ума, спянуть; 2) выйти из себя, озвереть'; *coup de bambou* (разг.) 1) 'солнечный удар; 2) внезапный приступ гнева, бешенства; 3) внезапная усталость, слабость, изнеможение'.

- ...*Eh bien, ça doit être ça. Après le coup de bambou je suis allé manger quelque chose* (R. Pinget. *Quelqu'un*).
- Да, видимо, это так. После *охватившего меня приступа гнева* я отправился что-нибудь съесть.

Многозначные фразеологизмы со значением "вызвать то или иное состояние" также обладают интенсификационными семами. Примером может служить стилистически сниженное выражение с полностью переосмысленными компонентами *scier à la base* (арго) 1) испортить, погубить; 2) подкосить, доконать; 3) ошеломить, удивить'.

Во фразеологизме *faire suer* (разг.) 1) эксплуатировать, выжимать все соки; 2) приставать, надоедать, действовать на нервы; 3) вызывать отвращение, возмущение; 4) вызывать страх; 5) вызывать смех; 6) выжимать деньги из кого-л.' лексическая единица (ЛЕ) *suer* содержит сему "сильное отвращение", "сильное раздражение", "страх", "смех". Такое разнообразие эмоциональных значений обеспечивается денотатом ЛЕ *suer* - 'потеть'. Как видно, денотативное значение глагола *suer* в ходе переосмысления обрело семы, связанные с результатом потоотделения: "вспотеть в результате отвращения, раздражения, состояния страха или смеха". Это явление показывает, что в процессе фразеологизации находят свое выражение физиологические процессы, происходящие в организме человека, и что их результаты закрепляются во фразеологии.

- *N'est-ce pas, a dit Lucien, ce n'est pas possible. Entraînement, discipline ... Elle ne l'a pas laissé finir.* - *Vous, vous commencez à me faire suer* (S. Berteaut. *Piaf*). - Но ведь, - сказал Люсьен, - это невозможно. Тренировки, дисциплина ... Эдит не дала ему закончить. - А вы, вы начинаете мне *действовать на нервы*.

Таким образом, можно заключить, что полисемичные эмотивные фразеологизмы могут содержать от одной до нескольких интенсификационных сем, и тем самым выражать более высокий градус эмоциональных состояний.

Список использованной литературы

1. Вакуров, В. Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц / В. Н. Вакуров // Филологические науки. - 1991. - № 6. - С. 74-82.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний / Е. М. Вольф // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюнова, И. И. Чельшева. - М., 1996. - С. 137-168.
3. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка: Учебник / А. Г. Назарян. - М.: Высш. шк., 1987. - 2-е изд., перераб. и доп. - 288 с.
4. Пименова, Н. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на прим. эмоцион. концептов) / Н. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 82-90.
5. Романова, Т. В. Взаимосвязь категорий модальности - оценочности - эмоциональности в текстовой репрезентации (по материалам соврем. исповедальной прозы) / Т. В. Романова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2006. - № 3. - С. 71-77.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ВОЙНЫ (НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...» И «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ»)

Скребнева А. В.

Тамбовский государственный технический университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Поповой И. М. и д.ф.н., проф. Хворовой Л. Е.

В данной статье анализируются повести «А зори здесь тихие...» и «В списках не значился» Б. Л. Васильева с позиции нравственных ценностей героев во время Великой Отечественной войны.

В повестях «А зори здесь тихие...» и «В списках не значился» Бориса Львовича Васильева главные герои - это обыкновенные люди со свойственным каждому чувством страха, простое человеческое желание которых жить и быть счастливыми. Один из основных вопросов, которым задается автор в обоих произведениях: «Зачем же человек убивает человека, кто дал ему на это право, неужели он не может этого не делать?»

Однако подобные мысли не посещают фашистов, изображенных в повестях Бориса Васильева. Никто из них не задумывается, что, убивая, они, прежде всего, убивают целый неповторимый мир личности, жестоко издеваются над людьми: «Пули ложились то справа, то слева, то спереди, и Плужников, широко разинутым ртом хватая обжигающий воздух, тоже бросался то вправо, то влево, уже ничего не видя, кроме фонтанчиков, что взбивали эти пули. А немцы и не думали бежать за ним, а, надрываясь от хохота, гоняли по кругу автоматными очередями. И этот оборванный, грязный задыхающийся человек бежал, падал, полз, плакал и снова бежал, загнанно утыкаясь в невидимые стены пулевых вееров. Они не спешили прекращать развлечение и старались стрелять так, чтобы не попасть в Плужникова, чтобы охота продлилась подольше, чтобы было, что порассказать тем, кто не видел этой потехи.

А двое других неторопливо и обстоятельно били в воронке Сальникова. Он давно уже перестал кричать, а только хрипел, а они размеренно, как молотобойцы, били и били прикладами. Из рта и ушей Сальникова текла кровь, а он корчился и все пытался прикрыть голову непослушными руками» [Васильев 1988: 242, 243].

В этом отрывке из повести «В списках не значился» мы видим, что ничего человеческого в фашистах не осталось, что все законы человеческие они преступили, следуя идее о сверхчеловеке, чистой арийской нации, управляющей всем миром.

Советские воины в повестях Васильева, наоборот, в большинстве случаев задумываются над уникальностью человека, а не бездумно лишают его жизни, они ценят любую человеческую жизнь, даже жизнь врага. Трудно не согласиться с А. Г. Бочаровым, который писал: «Наоборот, нисколько не ослабляя решимость уничтожить врага, наша проза охотнее фиксирует нелегкое преодоление привычного уважения к человеческой жизни: раздумья старшины Васкова о том, что первая рукопашная всегда ломает человека, преступая через естественный, как жизнь, закон «не убий» [Бочаров 1978: 97].

Главный герой повести «А зори здесь тихие...» Федот Евграфыч Васков в самом конце произведения говорит: «Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, куда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, лично, даже если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..» [Васильев 1988: 442].

Эти полные отчаяния слова человека, желающего хоть как-то восстановить справедливость и отомстить звероподобному противнику за гибель пяти девушек, только-только начавших жить, которым по любой логике не место на поле брани. Достаточно вспомнить Женю Комелькову и ее состояние после убийства врага: как выворачивало ее нутро, как она всхлипывала, понимая, насколько противоестественно убийство, тем более для женщины.

В повести «В списках не значился» главный герой лейтенант Николай Плужников берет в плен немца. Немец беспомощен, он стоит на коленях перед русским солдатом, склонив голову, и молчит. «И Плужников молчал тоже. Он уже понял, что не сможет застрелить ставшего на колени противника, но что-то мешало ему вдруг повернуться и исчезнуть в развалинах» [Васильев 1988: 273].

Молодой лейтенант понимает, что, несмотря ни на что, перед ним все же человек, хотя он же и враг, которого необходимо уничтожить. Жители подземелья, мужчины, осознают, что придется сделать Плужникову. Женщины, расспрашивают пленного немца обо всем по-доброму. И они, и Коля Плужников понимают, что этот немец воюет не по своей воле и убивает по присяге. Автор видит страшное зло в том, что и «... Плужникову предстояло убить его. Вывести наверх и в упор шарахнуть из автомата в эту вспотевшую сутулую спину. Спину, которая прикрывала троих детей» [Васильев 1988: 276].

Лейтенант снова понимает, что не сможет выстрелить: «Немец сделал шаг, ноги его подломились, и он упал на колени. Плужников ткнул его дулом автомата, немец мягко перевалился на бок и, скорчившись, замер. Мирра стояла в подземелье, смотрела на уже невидимую в темноте дыру и с ужасом ждала выстрела. А выстрела все не было и не было» [Васильев 1988: 277].

На войне проверяется истинная сущность человека, происходит познание себя. Чуть позже Коля скажет Мирре:

«- Знаешь, оказывается, я не могу выстрелить в человека» [Васильев 1988: 277].

И именно это происшествие станет их тайной, одной на двоих, «и тайна эта заключалась в том, что Мирра тоже увидела в Николае прежде всего не бездушного солдата, а человека, который не смог убить другого человека, мужа, отца, сына» [Буй Тхе Дык 1994: 124].

Коля горько поплатится за свою доброту, за свое следование заповеди «не убий»: «Нестерпимо ярко вспыхнуло пламя, и огненный смерч ворвался в подземелье, на миг осветив кирпичные своды, убегающих крыс, присыпанные пылью и песком полы и замершую фигуру тети Христи. А в следующее мгновение раздался страшный нечеловеческий крик, и объятая пламенем тетя Христи бросилась бежать по коридору. Уже пахло горелым нечеловеческим мясом, а тетя Христи еще бежала, еще кричала, еще звала на помощь. Бежала, уже сгорев в тысячеградусной струе огнемета. И вдруг рухнула, точно растаяв, и стало тихо, только сверху капали оплавленные крошки кирпича. Редко, как кровь» [Васильев 1988: 279]. Вот она, цена пощады: немец, помилованный Плужниковым, привел в подземелье огнеметчиков. У войны свои жестокие бесчеловечные законы.

Плужников подарил вторую жизнь немцу, проявил, так сказать, великодушие, которое превратилось в неуместное малодушие. Однако он же до этого хладнокровно стреляет в товарища старшего сержанта Фе-

дорчука. У Коли Плужникова нет никаких угрызений совести по этому поводу, он испытывает злое, радостное возбуждение, потому что убил предателя.

«- Гад он. Гадина. Предатель» [Васильев 1988: 264].

Своими действиями Плужников пугает красноармейца первого года службы Васю Волкова, для которого смерть Федорчука была первой за всю его недолгую жизнь. «И Волков уже боялся своего командира, не понимал его и потому не верил» [Васильев 1988: 265].

А ведь именно его командир, как и старшина Васков, одержит свою маленькую победу над врагом, оставаясь несмотря ни на что, нравственно чистым и непоколебимым, именно он пройдет сквозь строй врагов и они будут отдавать ему высшие воинские почести. И именно он останется свободным и в смерти.

Трагичность и героизм, романтика и гуманность - основные черты военной прозы Бориса Васильева, через которые раскрывается внутренний мир его героев. Сквозь горькую правду войны мы видим то человеколюбие, которым обладают истинные герои писателя, ценящие человеческую жизнь.

Анализируя обе повести Б. Л. Васильева, можно сделать вывод, что, по убеждению писателя, все происходящее на войне - античеловечно и совсем не соответствует законам гуманности, которым должен следовать каждый человек. И герои Васильева, обыкновенные русские люди представлены в прозе писателя, как люди, обладающие чуткой живой душой, чего нельзя сказать о других героях повестей писателя - немецко-фашистских захватчиках.

Список использованной литературы

1. **Бочаров А. Г.** Человек и война. - М., 1978. - 478 с.
2. **Буй Тхе Дык.** Опыт художественного постижения мира личности в прозе о Великой Отечественной войне (А. Фадеев, В. Быков, Б. Васильев) и его значение для литературы Вьетнама: Дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1994. - 224 с.
3. **Васильев Б. Л.** Избранное. - М., 1988. - 559 с.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Соколова Е. Е., Гридина Н. В.

Российский государственный социальный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н. Тупицной И. Н. и к.ф.н. Карачиной О. Е.

Данная статья посвящена проблеме статуса категории аспектуальности в английском языке. Дело в том, что данная категория может быть грамматическая (простые и длительные видовые формы), лексико-грамматическая (временные выражения, характеризующие характер протекания действия во времени), а также прагматическая, то есть ориентированная на позицию, «точку зрения» наблюдателя по отношению к описываемой им ситуации. В этом отношении категория аспектуальности схожа с категорией модальности, которая представляет собой отношение говорящего к содержанию высказывания.

Вопросы аспектологии, на протяжении долгого времени привлекающие внимание лингвистов остаются до сих пор актуальными, так как не только видовые формы, но и грамматическая категория вида не получила еще единого, общепризнанного определения. Кроме того, семантическая сфера аспектуальности, представляющая большой интерес для отечественных и зарубежных лингвистов, еще не полностью изучена.

Традиционно, категория аспектуальности рассматривалась в тесной связи с категорией времени и трактовалась исследователями как функционально-семантическая категория, объединяющая разноуровневые языковые средства, выражающие характер протекания и распределения действия во времени. В данной статье ставится задача рассмотреть существование определенных связей между грамматическими категориями аспектуальности и модальности, что приведет, на наш взгляд, к возникновению нового определения вышеупомянутой категории, основанного на постулатах когнитивной лингвистики. Кроме того, какие-либо отношения вида и времени, связанного с дейктической темпоральной локализацией действия, а также общепринятое видовое значение незавершенного, конкретного во времени, однократного действия не будут иметь первостепенное значение.

Известно, что категория модальности является прагматической категорией, так как выражает отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего; отношение говорящего к содержанию высказывания. Современные исследования свидетельствуют об усилиях исследователей вскрыть также и когнитивную природу видовых форм, доказать, В отличие от времени вид связан не с дейктической темпоральной локализацией действия, а с его **внутренней темпоральной структурой как она понимается говорящим**. Вид отражает оценку говорящим временной структуры самого действия [Маслов 1984].

Существенное различие между временем и видом состоит в том, что время, в своем основном значении, относится к области первичного дейксиса (то есть оно локализует ситуацию на временной оси с выделенной точкой настоящего - моментом речи), тогда как вид, тоже в основном значении, - это *вторичный дейксис* (в интерпретации Г. Рейхенбаха отношения между точкой отсчета RT и моментом речи ST отражают собственно время, тогда как отношения между ET (временем события) и точкой отсчета RT отражают вторичное время, наложенное на первичное: отсюда понятие вторичного дейксиса).